

ПОЛЗАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

Событие театрального сезона на Бродвее — сценическая версия повести Франца Кафки «Превращение» в театре Этель Бэрримор. Постановка Стивена Беркоффа. В главной роли — Михаил Барышников.

Герой повести Франца Кафки «Превращение», молодой коммивояжер Грегор Замза, проснувшись однажды поутру в своей постели, обнаружил, что превратился во сне в огромное насекомое. В какое именно — это покрыто тайной на протяжении всей вещи. Многое зависит от перевода. Мне в руки попал тот, в котором прислуга по дому называет Грегора Замзу в сердцах «старым навозным жуком».

Стивен Беркофф, в своей недавней бродвейской постановке этой повести Франца Кафки превращает Грегора Замзу в нью-йоркского таракана. Таракан в Нью-Йорке — существо вездесущее. Куда бы вы ни направили стопы, повсюду вам может в Манхэттене повстречаться знаменитый пруссак. Эти паразиты не уступают поголовьем нью-йоркским крысам, и так же, как те, неистребимы.

Как бы низко не ставил Нью-Йорк назойливых пруссаков, встречи с тараканом по имени Грегор Замза он торопил в течение всего театрального сезона 1988—1989 годов. И не то чтобы театралы ожидали великолепного сценического переложения гениальной повести — увы, Кафка на романтический вкус Бродвея — слишком беспощадный реалист. Событием эту постановку делало участие в ней звезды первой величины — знаменитого балетного танцовщика Михаила Барышникова.

Артист дебютировал на Бродвее в роли таракана. До этого Барышников снялся в двух романтических голливудских фильмах. Поклонники великолепного танцовщика предполагали, что на Бродвее они увидят дубликат прошлых ролей. Не тут-то было!

Барышников в обличье таракана неподражаем. И любопытно, что Барышников, в отличие от многих бродвейских звезд, которые постарались бы в подобной роли пустить в ход все ухищрения макияжа, роскошь костюмов и даже сценические спецэффекты, добивается сходства с тараканом, полагаясь только на себя самого, на собственную пластику, выразительность своего танца и богатую мимику.

Он карабкается, удирает, бежит и трясёт точь-в-точь как насекомое (хотя минутами он больше напоминает гигантского паука), а на лице его — пытка, выражение ужаса перед отчуждением от рода человеческого.

В этой роли Барышников сменил причёску — вместо развевающейся романтической шевелюры — коротко подстрижен-

ные, чистенькие, аккуратные волосы. На носу — очки, довершающие наружность типичного торгового агента, забитого человека, путешествующего по Центральной Европе и изнемогающего под бременем кафкианского комплекса вины.

Иногда, впрочем, кажется, что Барышников танцует не в инсценировке повести Кафки, а в балете-фантазии на тему огромного таракана-пруссака. И тогда все антраша, жесты и позы Барышникова — не что иное, как красноречивый монолог мерзкого тараканьего нутра...

Этот образ Франца Кафки можно интерпретировать по-разному. Одни видят в нем гениальную вариацию на тему доктора Джекила и мистера Хайда (персонажи — двойники из одноименной повести Р. Л. Стивенсона — прим. переводчика), другие считают, что Кафка, выводя в повести Грегора Замзу, превратившегося в таракана, хотел указать истинное место писателя в обществе.

Игра Барышникова не имеет ничего общего с этими литературными изысканиями. Техника его, как драматического актера, все же послабее танцевальной, балетной, хотя в интервью накануне премьеры он сказал, что дни его, как танцовщика, сочтены и что он переключается на драматические спектакли.

К счастью, в этой постановке Барышников большей частью молчит, ибо голос его не так гибок, как руки, и не столь мощен, как икры ног. Что касается постановки Стивена Беркоффа, то при всем ее великолепии она мало способствует Барышникову в его попытках раскрыть истинный смысл и глубину этого произведения Кафки. Оттого и семья Замзы представляет собой собрание марионеток из среднего буржуазного круга, а вовсе не скопище призраков греха, преследовавших самого Франца Кафку.

Некоторые нью-йоркские критики упрекнули Беркоффа в том, что он взглянул на «Превращение» с точки зрения вульгарного марксиста, что вещь получилась слишком социологичной. Раздавались упреки и в адрес самого Барышникова, разменявшего свой талант на исполнение образа насекомого. Но Барышников остался глух к этим укорам. Он, по-видимому, считает, что надо попробовать себя в роли таракана, прежде чем замахиваться на роль принца Датского.

**В. Дас. ВИТЕРБИ,
«Гардиан».**

